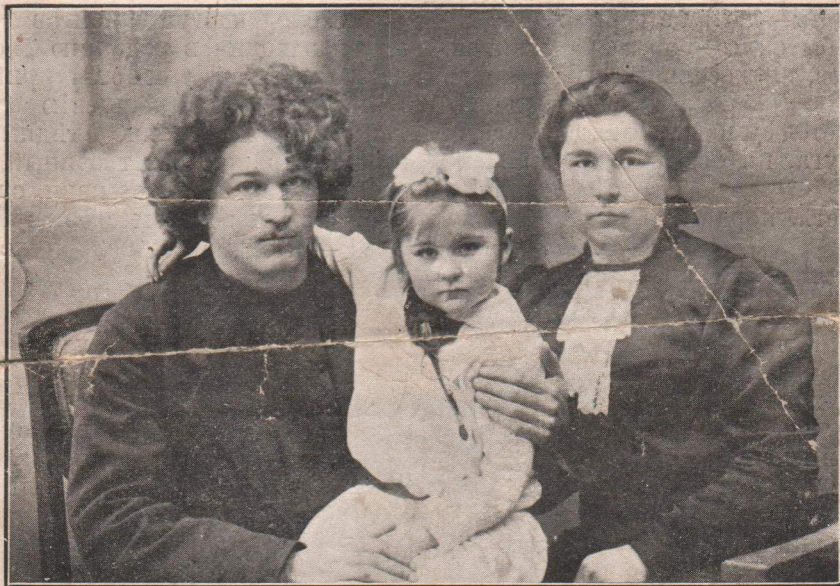

Двухнедельный общественно-литературный журнал

Чайка

В ПЯМЯТЬ ПОЛУГОДОВЩИНЫ СМЕРТИ ЧУДАКОВЫХ.

ЦѢНА 1 РУБЛЬ.

Семья Чудаковых.

Оглавление.

Рисунки: 1) Семья Чудаковых, 2) Фотографический снимок с письма Чудаковых „Ко всем“, 3) Чудаковы на смертном одре. 4) Ф. И. Чудаков за работой в редакции.

Как умерли Чудаковы — М. Катаева. Редкие люди — воспоминания о Чудаковых Эль-Вэ. Стихотворения Ф. Чудакова: „Весеннее“, „Из пережитого“, „Побѣг“, „Тишина“, „Тюремные мотивы“, „Тайга“, „Стол“, „Майское“, „Смерть Икара“, „Посмотри, эта ночь“.

Ко всем.

Прощайте!

Уходим от вас гостиниши и
чистиши: на наших руках пом
кравы.

Будете счастливы!

Да здравствует разум!

Федор Чудаков

В. И. Чудаков

28 февраля 1918.

„Ты ходила к нему“,
„Ты в траур“, „Зая“,
„Сотворение Приамурья“, „Частушки“,
Маленькие фельетоны
„Амурца“, „Рассказ дѣда“, „Вопль“, „Положеннице“, „А обыватель платит“, „Блины с гарниром“.

Непечатавшися нигдѣ произведенія Чудакова: 1) А. В. Аксаковой — Добровольской — юбилейное посвящение в стихах, 2) Куплеты для нея же, 3) Стихотворение на открыткѣ дочуркѣ. Письма Ф. И. Чудакова к женѣ (1916 г.)

Как умерли Чудаковы.

Не надо веселья.. чужда мнѣ отрада.
Уж чаша страданій допита до дна!
Ни друга, ни брата—не надо, не надо!
Мнѣ вѣрной осталась могила одна!
Разбиты надежды, поругана вѣра.
Замолкли желанья в усталой груди.
И в жизни все пусто, печально и сѣро...

Осталась могила одна впереди!
Я долго боролся за волю святую.
Я долго боролся, и пал—за любовь.
Оставили силы—да я не горюю:
Вернулись бы силы—боролся бы вновь.
Ни слез, ни веселья... чужда мнѣ
отрада...
Сгущается сумрак... не видѣть утра...
Ни друга, ни брата—не надо, не
надо!
Темнѣет... пора...

Ф. Чудаков.

28 августа ст. ст. исполнилось ровно полгода со дня трагического ухода от жизни Федора Ивановича Чудакова.

В его лицѣ угасло недюжинное поэтическое дарованіе, умер в самом развѣтѣ крупный талант.

Гражданская война в Благовѣщенскѣ унесла тысячи жертв. Их оплачут и забудут. Но трагическій конец поэта будет долго жить в памяти народной.

Сказаніе об этом ужасном концѣ передастся из поколѣнія в поколѣніе. И личность поэта сдѣлается легендар., символической, олицетворяющей великую скорбь, муку и боль за поруганную родину, за оплеванный идеал народного счастья, за все то, во что вѣрили, за что боролись, страдали и гибли, отдавая все свои силы и жизнь, многія поколѣ-

нія лучших русских людей—рыцарей идеи, мысли и чувства....

Подробности условий и обстановки, а также самого акта трагического ухода от жизни Чудаковых широкой публикѣ еще не извѣстны.

Попытаюсь возстановить их со слов брата покойнаго поэта и других лиц, бывших свидѣтелями тяжких душевных переживаній Ф. И. в роковые дни междоусобной бойни.

Перед наступленіем из Астрахановки он заходил в редакцію „Голоса Труда“. Узнав, что там хотят принять какіе-то шаги к предотвращенію кровопролитія, Федор Иванович, блѣдный, осунувшійся, страшно разстроенный, потрясенный до послѣдней степени, сдавленным, отрывистым голосом сказал:

— Поздно ... уже... пулеметы... ра-

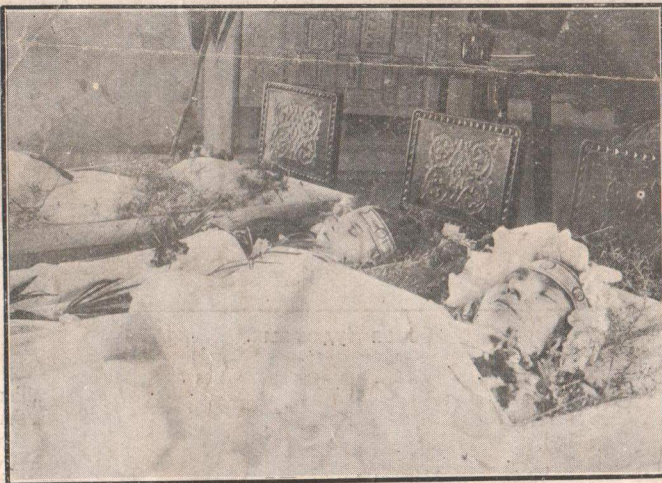
ботаюг....

И в глазах у него стояли слезы и вся его фигура вырождала глубокую, непередаваемую никакими словами печаль и острую душевную муку.

— Не выживет, — невольно подумали видѣвшіе его в ту минуту, но, к сожалѣнію, послѣ его ухода все о нем забыли, будучи

всецѣло поглощены надвигающимся на город кровавым кошмаром.

В самый разгар уличной бойни Ф. И. сидѣл в своей квартирѣ со своей великой душевной скорбью—пыткой. Домовладѣлица и другіе знакомые принесли жуткія вѣсти о гибели друзей Ф. И., об убійствах безоружных граждан в их квартирах, грабежах и всяческих насиліях и издѣвательствах, о валяющихся на улицах раздѣтых до-нага трупов

Чудаковы на смертном одрѣ.

„буржуев“, о залитых кровью стѣнах и тротуарах....

Во всѣх этих разсказах, конечно, было много преувеличеній и тенденціозности, но в общих чертах они вполне отвѣчали кошмарной, отвратительной дѣйствительности.

Многіе думают, что покойный поэт боялся расправы над собой хулиганствовавшей толпы мародеров. Это не вѣрно. Наоборот, он первые два дня все время ждал, когда они придут к нему и избавят его от необходимости быть свидѣтелем всей той мерзости, которая творилась святым для него именем — именем революціи.

И когда увидѣл, что „избавители“ не являются к нему — рѣшил сам избавиться себя и свою семью от дальнѣйших душевных мук и страданій за оплеванную и поруганную вѣру в святое дѣло революціи.

Из оставленнаго посмертнаго письма видно, что у Ф. И. не было первоначально в мысли обогреть руки даже в собственной крови. Они, на что указывает выпитое перед своим какое то наркотическое вещество, а также жарко натопленная печь и посланная в прихожей на полу постель, имѣли намѣреніе покончить с собой угаром. Дальнѣйшее, повидимому, произошло так. Восемилѣтную Наточку наркотическое и угар вѣроятно убили на смерть, а сами они, проснувшись, ощущали, должно быть, лишь мучительное состояніе угара. Ясно, что видя мертвым свое любимое дѣтище, ни он, ни она не могли пожелать остаться в живых. Вот тут-то и явилась необходимость убійства и самоубійства с пролитіем крови. Орудіем послужило двухствольное охотничье ружье. Первый выстрѣл он, повидимому, сдѣлал уже в мертвую или находившуюся в безсознательном состояніи дочурку. Мать или

он сам сложили руки малютки крестиком на груди. Вторым выстрѣлом он покончил с женой. Затѣм видимо сѣл на пол рядом с дорогими трупами жены и дочки, подозвал к себѣ любимую собачку „Максимку“, неоднократно фигурирующую дѣйствующим лицом в его юмористических разсказах и очерках, и тоже застрѣлил ее из револьвера. Затѣм сн выстрѣлил из ружья себѣ в рот. Смерть наступила, повидимому, моментально. Выстрѣл в рот сильно обезобразил и сдѣлал неузнаваемым его лицо. Выстрѣлы женѣ и дочуркѣ произведены в сердце.

Вечером наканунѣ роковой ночи у Ф. И. был брат, который хотѣл было остаться у него ночевать, но тот отослал его домой, говоря, что у него у самого семья и ему необходимо быть с нею.

— Ты завтра пораньше утром загляни к нам, — сказал на прощанье брату Ф. И. Тот ушел. Утром он пришел навѣстить их. Ставни в окнах были закрыты и только у кухоннаго окна ставень был открыт. Заглянув в это окно, он увидел на полу брата, его жену и дочурку.

Ф. И. Чудаков за работой.

— Еще спят. По дождю будить, — подумал он и ушел. Через час он снова явился. В квартирѣ была прежняя тишина и безмолвіе. Посмотрѣвъ снова в окно и увидав ту же картину сна, он вдруг забеспокоился, внутри что-то бо лѣзненно сжалось. Побѣжал к домовладѣльцу и вмѣстѣ с ним стал стучаться к брату. Отвѣта не было. Спящая на полу группа не подавала признаков жизни. Выставили раму, влѣзли в кухню и... о, ужас смерти!

Таковы подробности трагическаго ухода от жизни талантливаго поэта, не могшаго перенести оплеванія своего идеала, своей вѣры в разум, честь и свободу..

М. Катаев.